

Старший научный сотрудник
Псковского музея-заповедника
кандидат исторических наук
Александров А.А.

В защиту княгини Ольги, Церкви и Пскова

Псков в X веке по Г.Я. Мокееву

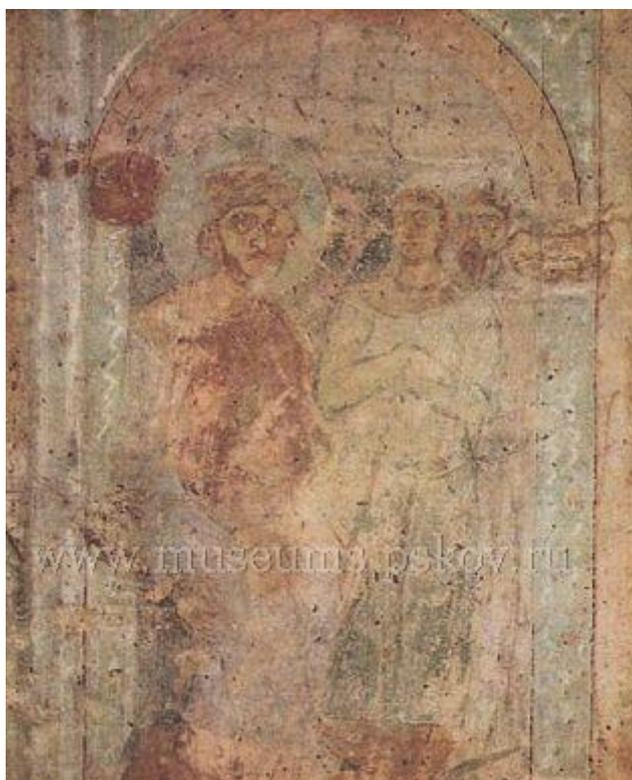
Обычно профессиональные историки не комментируют краеведов. Но бывают исключения. Таким исключением является книга псковского краеведа Ю.И. Афанасьева. Учитывая, что в средствах массовой информации уже появились отзывы о некой «сенсации», которая содержится в только что вышедшей книге краеведа, приходится сделать краткий разбор этого издания. Этот труд называется «Государственная политика княгини Ольги», Псков, 2012 г., 293 стр. текста, из них 79 заняты иллюстрациями.

Начну со структуры. Собственно текст книги занимает около половины объема. После текста идут приложения и примечания. В приложении – тропарь (с. 169) и единственное житие Ольги (с. 170-191). Для сравнения: житийная литература по кн. Ольге с анализом ее гораздо лучше представлена в книге А.Ю. Карпова «Княгиня Ольга», М., Молодая гвардия, 2009, которая Ю.И. Афанасьеву, по-видимому, неизвестна. Примечания к приведенному житию Ольги – тоже не автора, а скопированы с дореволюционного издания.

Как будто, с того времени не вышло ни одного исторического исследования. Да их масса вышла!

В примечании 2 – о погостах – автор выясняет (для себя!) что такое погосты, утвержденные княгиней Ольгой, тогда как этот вопрос давно и хорошо разработан в науке поколениями профессиональных историков. Далее.

Вопреки автору, в гдовском округе ольгины погосты не отмечены. Возможно, они там и были, но достоверных сведений об этом нет. То, что по автору до 1341 г. Гдовский край был полностью языческим – это абсолютно не так. К этому времени на территории русского Северо-Запада полностью языческих территорий не было, и быть не могло, тем более, в составе полностью христианской Псковской феодальной республики. Да, пережитки язычества были, но они активно подавлялись церковью.

*Фреска Софии Киевской XI-XII века
(Константин VII и княгиня Ольга)*

На с. 212-283 – видовые фотографии с дорожными указателями населенных пунктов. Как верно отметил сам же автор книги, «они не соответствуют теме книги» (с. 208). Как автор может использовать их в качестве доказательств событий X века – непонятно. Автор пишет, что не сохранилось ни одного портрета кн. Ольги (с. 208). Это не совсем так: на фреске Софии Киевской кн. Ольга изображена перед императором Константином VII, на приеме у которого она была. Доказано, что изображение Константина – портретное. Предполагается, что и изображение княгини Ольги – тоже портретное.

Пройденный автором на автомашине «путь княгини Ольги в 947-948 году» по современным данным столь детально реконструирован быть не может, так как никаких данных о нем нигде нет – и в летописях тоже. Даже археологическая реконструкция – по поселениям X века - неосуществима ввиду неясности статуса этих поселений и обычно «растянутой» их хронологии – нельзя точно сказать, при Ольге поставлен этот погост, или, скажем, при Владимире. Обозначения в летописях владений княгини Ольги – «по Лузе», «по Поле», «по Мсте» и «по Ладозе» – это лишь части ее владений, которые наверняка были шире. Еще раз повторю – это части владений, а никак не маршрут. Современные озера, реки и болота – это препятствия летом, при передвижении посуху (с. 209), а, между тем известно, что ранние русские князья сбор дани – с точностью до наоборот - осуществляли зимой, идя по льду замерзших рек. Об этом сообщает такой совершенно достоверный источник как Константин Багрянородный. В летнее время такое передвижение посуху в X веке было крайне затруднено, либо вовсе невозможно. Наверняка и княгиня Ольга ехала зимой – есть же летописная легенда именно о санях, которые она оставила в Пскове и которые были реликвией еще на памяти летописца. Поэтому любые летние сухопутные разъезды ничего абсолютно доказать не могут. Путешествия по воде или по льду ныне также затруднены ввиду изменившихся с X века очертаний русел рек и берегов озер (заболачивание и

прочее). Комплексное же изучение всего этого ныне невозможно ввиду фантастически дорогой стоимости такого проекта.

С самого начала автор отвергает основание Ольгой Пскова, Троицкой церкви и ее деятельность по крещению русской земли. Выходит так, что профессиональные историки не правы, прав только краевед Афанасьев. Посмотрим, так ли это.

В 2001 г. в Пскове вышла моя небольшая научно-популярная книга «Во времена княгини Ольги. Легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле», Псков, изд-во «Псковское возрождение», 2001. В процессе работы над ней, при всей ограниченности темы, мне пришлось проработать довольно много разнообразной литературы – как научной, так и краеведческой. Вся она приведена списком в конце книги. Ю.И. Афанасьев поступает проще – у него нет никакой библиографии вообще.

Далее наш автор прокламирует, что будет использовать только первоисточники. Разработки целых поколений историков оказываются за бортом. Их вроде бы и не было. Впрочем, иногда он все же на кого-либо из них ссылается – на Б.А. Рыбакова, А.Н. Кирпичникова и некоторых других. Но дело не в именах, а в методике работы – историки «по кирпичику» реконструировали историю России, в том числе и ту историю, которая относится к жизни и деятельности княгини Ольги. Эта история краеведу не нужна. Она ему мешает. Вот он с порога и отметаёт все.

Из всех источников автора интересуют только русские летописи, хотя он и знает работу византийского императора Константина VII «О церемониях». Характеристику образа кн. Ольги автор черпает только из летописей, в то время, как давно и хорошо известно, что есть византийские источники. По житийной литературе княгиня Ольга – «от рода варяжского» со стороны отца и матери, что и подтверждается тем, что император Константин называет ее собственным именем 'Ελγα - Хельга, а это – скандинавское имя. Это же имя написано греческой скорописью под изображением Ольги на фреске Софии Киевской. В летописях этого нет. Скандинавский мир X века – это особый мир.

И, чтобы понять мотивировку деятельности княгини Ольги, этот мир надо знать. Надо знать скандинавские саги, эддическую поэзию, археологию Скандинавии, механику славяно-скандинавских контактов, время и обстановку появления скандинавов в Восточной Европе, арабские источники, в которых отражены обычаи и нравы руссов, византийские источники, где тоже фигурируют руссы. Надо знать и многое другое, - все это далеко выходит за рамки летописей. С этим материалом г-н Афанасьев не работал, но, тем не менее, берется судить о мотивировке деятельности княгини Ольги.

В главке «Четыре мести Ольги» автор пересказывает летопись, совершенно не понимая смысла действий по уничтожению двух древлянских посольств и той «чести», которую Ольга им оказала. Между тем, за ними стоят вполне реальные погребальные обряды того времени, к тому же, - с явным скандинавским акцентом. И бросание копья малолетним Святославом для него тоже – полнейшая загадка. Хотя обычай этот тоже не славянский: первое копьё в сторону врагов бросил в первой войне сам скандинавский бог Один в войне богов асов против богов ванов. Да и в истории с данью древлян, когда по требованию Ольги те дали дань голубями и воробьями, больше реальности, чем можно подумать. По преданию, княгиня Ольга взяла этих птиц с древлян для принесения в жертву богам для излечения от болезни глаз, что вполне реально. И те дали, значит - поверили. Что касается избиения 5000 древлян на могиле Игоря, так ведь есть аналог. Христианский государь Карл Великий в 782 г. приказал перебить 4,5 тысячи пленных саксов в Верденском лесу. Приказ был выполнен. Известно, что саксы были язычники.

О воробьях же и голубях с тлеющими трутами, с помощью которых был подожжен древлянский город Искоростень, наш краевед пишет: «Ольга продолжала претворять свой адский план». Такие оценки в деятельности человека X века абсолютно неприемлемы, поскольку мотивировка поступков была совершенна иной. Иной была и система ценностей. Язычники с точки зрения христианства – это не совсем люди. Они же поклоняются идолам, в которых христиане видели бесов! Тем не менее, по Житиям известно, что

княгиня Ольга так не считала, поскольку, будучи христианкой, раздавала милостыню не только бедным единоверцам-христианам, но и язычникам. А это много что значило. Из этого следует, что она и их считала людьми.

С момента гибели князя Игоря, мужа Ольги от рук древлян-язычников, языческим же воеводам Руси, которая в своей основе все еще была скандинавской, требовалось «повернуть» ситуацию и обеспечить загробный комфорт душе конунга-князя Ингварда-Игоря и через это – обеспечить дальнейшее процветание Руси как государства. Что надо делать, они точно знали и далее действовали с точностью автоматов, но – от имени Ольги.

Я вообще сильно сомневаюсь, что она участвовала в этих языческих гекатомбах с массовым кровопусканием (потом объясню – почему). Все это краеведу не надо. Ему и летописей хватает.

Относительно даты и обстоятельств крещения кн. Ольги в исторической литературе наметились существенные сдвиги. Дело в том, что специалист по Византии Г.Г.Литаврин сейчас относит поездку Ольги в Константинополь к Константину VII не к 957 или к 955 году, а к 946 году. Лично меня его аргументация убедила, и не только меня. Кроме того, на упомянутой фреске Софии Киевской кн. Ольге около 50 лет, что хорошо соответствует именно 946 году, а не 957 или 955 годам, когда она была лет на 10 старше, когда ей было уже около 62-64 лет, и когда она едва ли могла поехать в Константинополь – дорога тяжелая и возраст уже не тот. При этом, в тексте Константина VII нет ни слова о крещении Ольги, но есть эпизод, где она обедала вместе с императором и его семьей – к этой церемонии язычников не подпускали. Значит, к 946 году она уже была крещена. Когда это произошло? Та же летопись сообщает – тогда, когда она была еще молода и красива. Так вот, есть источник – немецкие Хильдесхаймские анналы,- который об этом сообщает точно. Сведения эти восходят к монаху Адальберту, который возглавлял немецкую церковную миссию в Киев в 962 году и говорил с княгиней Ольгой лично. Анналы сообщают о том, что в Германию в 959 году прибыли «...послы Елены, королевы ругов (русов), которая при константинопольском

императоре Романе крещена в Константинополе...» Это константинопольский император Роман I Лакапин, который правил с 920 по 944 год. В любой из годов его правления Ольга и могла быть крещена. Этот вопрос подробно рассматривает историк О.М.Рапов в его основательной монографии «Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства», М., «Высшая Школа», 1988. Не получится у г-на краеведа позднее крещение княгини Ольги, и ни у кого теперь не получится!

Далее. В главке: «Последние годы жизни» г-н Афанасьев, когда пишет о нежелании сына Ольги Святослава креститься под тем предлогом, что дружина будет над ним смеяться, так вот, наш краевед вставляет такую фразу: «...как теперь все смеются над обрядами первых христиан». Кто – все? Кроме г-на Афанасьева других «все» я не знаю.

Далее, по Афанасьеву, в момент мести древлянам Ольга была убежденной язычницей. Но, как видим, это утверждение г-на краеведа полностью дезавуируют данные немецкой хроники. Не была она язычницей. Но свои убеждения ей приходилось скрывать.

Дальше – больше. Афанасьев пишет, что ни внук Ольги Владимир, ни последующие русские князья не осуществили до конца переход к христианству. Это совершенно не так. В начале XI века в одном только Киеве было около 700 церквей. Сколько их было всего на Руси – этого не знает никто. Русь в это время была, в основном, христианизирована. Далее наш краевед называет политику руководства Руси по ее крещению «предательской» (с. 37). Не любит наш краевед христианство, - язычество с его человеческими жертвоприношениями с последующим расчленением трупов устраивает его много больше. Ну ладно, о вкусах не спорят.

Далее г-н краевед утверждает, что в случае введения христианства при Ольге и Святославе, священство и руководство Руси были бы перебиты. Но в 860 году при Аскольде христианство уже было введено в Киеве и с тех пор там и держалось, правда, в ограниченных размерах. И ничего, никто Аскольда и его руссов не перебил. А опыт введения христианства при Владимире

показывает, что никакой серьезной оппозиции в Киеве не было. Христианство было введено, недовольные либо молчали, либо бежали. А во время крещения Новгорода (есть описание очевидца) все, кто активно сопротивлялся крещению с оружием в руках, был принужден к миру и кресту. Наиболее активные противники опять же, либо бежали, либо погибли. Если крещение принимает князь, король, конунг с дружиной, его принимает и весь народ. Так было у нас, и так было на Западе.

Судя по дальнейшему изложению событий, очевидцем некоторых событий был и сам Ю.И.Афанасьев. Так он пишет, что после разговора со Святославом в 969 году накануне его ухода на Дунай, больная и престарелая княгиня Ольга умерла от стресса (с. 38). Это может знать только очевидец, поскольку ни в одном источнике этого нет.

Далее г-н Афанасьев вообще отрывается от всех поголовно источников, включая летопись, и уходит в некое параллельное измерение. Он пишет, что Ольгу похоронили «... по-христиански, но так тайно, что до сих пор не найти ее могилу» (с. 38). Между тем, хорошо известно, что это не так. Согласно проложному житию Ольги, ее внук князь Владимир после крещения Руси взял нетленное тело своей бабушки княгини Ольги, которая была похоронена на христианском кладбище Киева, и вложил его в деревянную раку, которую поставил в церкви Святой Богородицы. А древнерусский литератор XI Иаков Мних сообщает о гробнице Ольги в этой церкви и о происходящих около нее чудесах. К чудотворным мощам Святой Ольги в Киеве было массовое паломничество. Так было вплоть до монгольского нашествия. Затем мощи Ольги и других знатных киевлян были спрятаны в пещерах Киево-Печерского монастыря и упоминаются как существующие в XVII веке. Затем они исчезли и их место ныне неизвестно. Вот так все было на самом деле, а не по Афанасьеву.

Далее (с. 39-60) упоминаются различные места из летописей, здесь много повторов сравнительно с первой частью, в ущерб, естественно, систематическому изложению. Эти повторы идут и далее. Некоторые события

упоминаются по 2-3 раза в разных частях книги. В результате этого объем «распухает», а изложение запутывается. Зачем это надо я не знаю.

Затем наш автор обнаруживает «провал в истории Пскова», а попытки заполнить его называет ненаучными. По Афанасьеву, между 947 годом и 1036 годом ничего не было – и крещения Пскова не было тоже. А если таковое и было, то не раньше XII в. В подтверждение этой версии краевед ссылается на нескольких авторитетных историков. Но на меня такой шаманский прием не действует. Поэтому я привожу ниже сводный текст, учитывающий большинство вариантов древнейшей русской летописи «Повести временных лет», в котором под 991 годом упоминается, что после крещения «[...Того же лета в Киеве Леонт митрополит всея Руси постави] Новугороду [и Пскову] архиепископа Иоакима Корсунянина, [а Ростову архиепископа Федора] [Гречина], а по инем градом епископы, и попы, и диаконы, и жа крестиша всю землю Русьскую; и бысть радость всюду». Не радуется только наш краевед, поскольку получается, что Псков был крещен одновременно с Новгородом, и для Пскова и Новгорода был назначен один епископ.

Далее на той же странице (с. 62) наш краевед приписывает церкви точку зрения, по которой Ольга крестила Псков и Псковскую землю ранее других на Руси. Это не соответствует действительности: церковь имеет иную, вполне сбалансированную точку зрения – а именно: Ольга здесь, в своих землях, проповедовала христианство и ставила первые церкви, что вполне реально. Эти церкви были деревянными, и были они небольшими. В Новгороде остатки такой ранней деревянной церкви во время археологических раскопок были найдены. По конструкции – это скандинавская ставкирка – деревянная церковь своеобразной столбовой конструкции. Если такие церкви были в Новгороде, значит, они были и здесь, в Пскове. Если бы наш краевед внимательно полистал 4-й том Истории В.Н. Татищева, то он нашел бы там упоминание, что Псков и Новгород были основаны княгиней Ольгой. Согласно археологическим данным, это произошло синхронно – оба раннегородских центра были заложены в 20-е – 30-е гг. X века.

Затем наш краевед упоминает митрополита Макария, упрекая его в злонамеренном искажении истории церкви и Руси при составлении этого жития в XVI веке. Но надо знать, что любой церковный деятель любого звания, а такого – тем более, - ничего злонамеренно исказить не будет. Бога убоится. А житие Святой Равноапостольной княгини Ольги могло писаться – и писалось – только предельно объективно.

Св. равноапостольная княгиня Ольга

Далее автор приступает к житию Ольги (с. 66). В сюжете с древлянскими послами, которые пришли в Киев после убийства в древлянской земле князя Игоря, наш краевед объявляет завышенным число древлянских послов – 20 человек, которых бросали в лодках в яму по одному. А те сидели и ждали – такого быть не может. Может. Источник сообщает, что послы были «пианы, веселы», так что, скорее всего, и встать не могли. Дальше – больше: второе посольство из 50 человек сожгли в бане; таких бань не бывает. Да еще и слуги. Откуда он взял слуг – не знаю. В источниках их нет. А бани именно на 50

человек есть в скандинавских сагах. Были такие бани в то время. А то, что наш краевед их не знает, так на то он и краевед.

Затем краевед приступает к Пскову: «Далее идет откровенный вымысел об основании Пскова и Троицкого собора в Пскове. То и другое не подтверждается «Повестью временных лет» (с. 67). То, что в летописи этого нет, не значит, что этого не было совсем. Летопись в части ранних событий редко вникает в детали. Если летопись молчит, это не значит, что она «не подтверждает». Летопись на это время вообще о многом молчит, что мы достоверно знаем из других источников.

Далее об «откровенном вымысле». Крестившись при Романе I в диапазоне 920-944 годов, Ольга в своих личных владениях, границы которых приблизительно известны, ставила города, в том числе, Псков и Новгород. Дата возникновения этих двух городов как раннегородских центров – 920-е – 930-е гг. X века – соответствует как территории владений Ольги, так и времени ее владения этими территориями. Все совпадает. На ее домениальных землях кроме ее самой города ставить было больше некому. Учитывая, что она в это время была уже крещена, в этих новопоставленных раннегородских центрах ставились и небольшие церкви. Такие же церкви уже давно были в Киеве, где ко времени смерти Ольги было уже и христианское кладбище. Вопреки краеведу, картина складывается ясная и четкая. Приводить обоснования о раннем основании Пскова здесь нет смысла, проще посмотреть об этом соответствующую главу в моей книге 2001 года.

Любимое слово нашего краеведа «извращение» в отношении ольгиных житий и понимания ее образа с XVI века и прочее, таким образом, неприемлемо.

Идем дальше. Древлянская 2-я война. По Афанасьеву, древляне платят дань шкурками куниц и норок (с. 70). Норка – животное американское и ввезена к нам только в 30-х годах XX века. Далее – опять Ольга – «махровая язычница», чего в 945 году никак быть не могло. Затем краевед пишет о том, что правила мести тогда были одинаковы во всех славянских государствах. Но

эта месть была скандинавской. И, самое главное, это была месть не Ольги даже, а месть раннего Русского государства, месть на государственном уровне. Для этого – повторяюсь – были воеводы, которые точно знали, что и как надо делать. Был убит главный человек государства – князь Игорь. Судьба же правителя тогда неразрывно связывалась с судьбой государства. И все эти мести были предприняты как раз для того, чтобы судьба князя-конунга в потустороннем мире была более благоприятной, а вместе с этим и судьба государства. Естественно, все это делалось от имени Ольги – таковы были тогда правила языческой страны. Других правил не было. И христианка Ольга вынуждена была молчать. Каково было ее реальное участие в этих страшных эпизодах мести – этого не знает никто. Летопись в этой своей части тоже основывалась уже на преданиях, поскольку ко времени ее составления живых очевидцев уже не было. Судя по некоторым косвенным признакам, ее участие было довольно отстраненным – действовали воеводы и дружина.

В конце очередного повтора (с.91) краевед упоминая несколько княжеских имен, пишет: «Бездарных князей было больше». Историки придерживаются совершенно другого мнения. Так называемая «бездарность князей» - это авторский миф.

Далее автор переходит к христианизации Псковской земли, приписывая княгине Ольге приведение к христианской присяге всего населения этой земли. Не было еще тогда Псковской земли, и не было такой присяги, а была пропаганда христианства и первые деревянные церкви.

Теперь относительно фальсифицированного образа княгини Ольги в источниках как борца за утверждение православия. Не вижу никаких фальсификаций.

Далее г-н краевед делает один повтор за другим, возвращаясь к сюжетам уже отработанным. Он опять возвращается к митрополиту Макарию (с. 107-109). Макария он опять уличает в перестановке событий: по Макарию Ольга сначала крестилась в Константинополе, потом обустроивала Русскую землю и вводила христианство. По краеведу – наоборот, сначала ездила по Русской

земле, а уж потом крестилась. Но дата крещения Ольги при Романе I говорит о том, что прав Макарий, а не краевед.

Что касается псковского язычества, существовавшего в XVI веке (с. 109-113), то от него к этому времени осталось немного, да и то на окраинах, в основном, не у нас, а в Ижорской земле. Да и было оно у нас на русском Северо-Западе совершенно иным, чем на юге, но это тема отдельного изложения.

Далее автор перечисляет имена нескольких крупных дореволюционных историков, к которым почему-то отнесен и местный краевед священник В.Д. Смиречанский. Конечно, это во всех отношениях достойный человек, но протоиерей Смиречанский никогда не был крупным историком класса С.М.Соловьева и В.Д.Ключевского.

Я попадаю у Афанасьева в раздел «Другие историки». Мою книгу «Во времена княгини Ольги» наш автор явно не читал дальше титульного листа, хотя и упоминает. Если бы он прочитал ее хотя бы до половины, то ляпов в его творении было бы намного меньше. Тем не менее он утверждает, что моя книга на 95 % посвящена «легендам и небылицам» (с. 129). Способ подсчета процента мне неизвестен. Скорее всего, это взято с потолка. Как раз легенд в моей книге меньше всего, а основное – нормальное историческое исследование. Книгу мою краевед потому и не открывал, что дискутировать нормально он не в состоянии – квалификации не хватит! Такая уж у него своеобразная манера – охаивать чужие книги, вообще их не открывая и ничего не доказывая.

Дальше г-н краевед попрекает меня ... многознанием! Внимание!!! До г-на Афанасьева человечество было уверено, что, чем больше исследователь знает, тем лучше. После этого утверждения Афанасьева человечеству придется пересмотреть свое отношение к научным исследованиям.

В отличие от многочисленных повторов, ошибок и неувязок у г-на краеведа, у меня в книге материал распределен четко по главам, в конце список литературы. Ненаучных отклонений, как пишет г-н краевед, у меня не было и

нет. Вопреки утверждению Афанасьева, я не допускаю, что Троицкая церковь и Псков построены княгиней Ольгой, я это утверждаю, и привожу свою систему доказательств. Спорить же с господином краеведом о книге, которую он не читал, бессмысленно. К тому же, после выхода в свет моей книги ее одобрили мои петербургские учителя и коллеги, о высочайшей квалификации которых г-н краевед не имеет даже самого слабого представления.

Вся патетика г-на краеведа Афанасьева сводится к нескольким простым вещам: попытка дискредитации образа Святой Равноапостольной Княгини Ольги, вплоть до прямой ругани в ее адрес, попытки отменить основание ею Пскова и Троицкой церкви. Для этого используются повторы, приводящие к полной путанице в тексте, передержки, искажение фактов при полном незнании важнейших исторических источников и игнорирование важнейших исторических работ на тему Ранней Руси. То, что уже вышло по теме княгини Ольги (а таких работ уже несколько) г-н краевед не читал.

Даже тот небольшой и поверхностный разбор фактов, который я вынужден был здесь дать, показывает, что весь труд г-на Афанасьева по дискредитации деятельности княгини Ольги, Церкви и истории Пскова построен на песке и не выдерживает никакой критики.

Следующая мишень у г-на краеведа – это Ярослав Мудрый. Князь Ярослав не был ангелом, он был человеком своего времени, и он очень много хорошего сделал для Русского государства. Его именем назван университет в Новгороде. И если очередной труд нашего краеведа выйдет в свет, надо озаботиться, чтобы один экземпляр его попал в Новгородский университет. Тогда ему ответят новгородцы, и тогда все, что я написал выше, покажется ему детской сказкой. Впрочем, два тематических аналога книги, которую он собирается писать, уже написаны. Это издание: Г.М.Филист. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, «Беларусь», 1990. И вторая книга: С.М.Михеев. «Святополкъ седе в Киеве по отци»: Усобица 1015-1019 годов древнерусских и скандинавских источниках. М., Институт славяноведения РАН, 2009. Обе книги вывешены в Интернете и доступны для

чтения. Но г-н краевед такие издания не читает. Он пишет. Интересно будет сравнить тексты.

14.11.2012 г.